

Пелам Гренвилл ВУДХАУС

Замок Бландинг

Пелам Гренвилл Вудхаус

Замок Бландинг

«ФТМ»

«АСТ»

1935

Вудхаус П.

Замок Бландинг / П. Вудхаус — «ФТМ», «АСТ»,
1935 — (Замок Бландинг)

ISBN 978-5-271-38967-2

Приятно познакомиться: семейство истинно английских аристократов. Их эксцентричность далеко превосходит все, что вы только можете предположить. Крепкие стены их родового гнезда – замка Бландинг – способны выдержать все: и безумные выходки дяди Динамита, и странности престарелого главы клана, и проделки юных представителей младшего поколения. Романы и браки, приключения и авантюры, – обитатели замка Бландинг ведут весьма насыщенный образ жизни...

ISBN 978-5-271-38967-2

© Вудхаус П., 1935

© ФТМ, 1935

© АСТ, 1935

Содержание

Восхождение Минны Нордстром	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пелам Гренвилл Вудхаус

Замок Бландинг

Восхождение Минны Нордстром

В «Перлах грез» на Хай-стрит показывали последний фильм Минны Нордстром, и мисс Постлетуэйт, наша впечатлительная буфетчица, побывавшая на премьере, все еще переживала увиденное. Перетирая кружки, она громко шмыгала носом.

– Так, значит, фильм хороший? – спросили мы, так как в зале «Отдыха удильщика», когда дело касается серебристого экрана, мы всецело полагаемся на мисс Постлетуэйт. Ее отзыв может вознести, а может и низвергнуть.

– Замечательный, – заверила она нас. – Он открывает всем нам душу женщины, которая ни перед чем не останавливалась во имя любви. Трогательная и возвышающая сердца драма жизни, которой мы теперь живем. Она облагораживает эмоции сочувствием и ужасом.

Ром С Молоком высказал мнение, что раз уж фильм так хорош, так он, пожалуй, рискнет потратить на него девять пенсов. Херес С Горьким Пивом начал прикидывать, сколько платят такой женщине, как Минна Нордстром. Портвейн Из Бочки спас беседу от грозившего ей погружения в пошлый материализм, пожелав узнать, как кинозвезды становятся звездами.

– Я вот о чем, – пояснил Портвейн Из Бочки. – Кинокомпания что, специально берется за сотворение звезды, тренирует ее? Или она вдруг восклицает: «Э-гей, да это же никак звезда? Ну-ну!»

Один из циничных Сухих Мартини, которые всегда все знают, сказал, что тут решают только связи.

– Копните поглубже, и окажется, что эта ваша Нордстром побывала замужем за какой-нибудь киношишкой.

Мистер Муллинер, который в рассеянности прихлебывал горячее виски с лимоном, при этих словах поднял голову:

– Вы, кажется, произнесли имя Минны Нордстром?

– Мы рассуждали о том, как становятся звездами. Я сказал, что у нее, конечно, был какой-то рычаг.

– В некотором смысле вы правы, – сказал мистер Муллинер. – Рычаг у нее был, но этому она была обязана собственной предприимчивости и находчивости. У меня, как вам известно, в Голливуде есть родственники и свойственники, и благодаря этим каналам информации я ознакомился с закулисной историей их студии. И мне точно известно, что Минна Нордстром поднялась до нынешних своих высот благодаря собственной изобретательности и настойчивости. Если мисс Постлетуэйт еще раз смешает для меня виски с лимонным соком, причем чуть больше подчеркнув виски, я с радостью расскажу вам всю историю.

Когда обитатели Голливуда в разговоре затаивают дыхание – а это место, где постоянно в той или иной степени практикуют затаивание дыхания, – вы чаще всего обнаруживаете (сказал мистер Муллинер), что в разговоре фигурирует Джейкоб З. Шнелленхамер, всеми любимый президент корпорации «Идеало-Зиззбаум». Мало найдется имен, которые были бы окружены более широким почитанием, чем имя этого человека наполеоновской закалки.

Потребуйте примера его финансового чутья, и поклонники Шнелленхамера укажут на великое слияние, инициатором которого он явился, – на слияние, при помощи которого он объединил собственную компанию «Колосс-Изыск» с двумя могучими концернами «Идеало-Фишбейн» и «Зиззбаум-Целлулоид». Попросите доказательства его художественного

гения, его умения распознать талант в самом сыром виде, и вы получите ответ незамедлительно. Он – тот, кто открыл Минну Нордстром.

Нынче, когда интервьюеры упоминают всемирно прославленную звезду в присутствии мистера Шнелленхамера, он скромно улыбается.

– Я давно положил глаз на малютку, – говорит он, – но по разным причинам не считал, что время для ее дебюта наступило. Затем я провел то, что вы любезно называете эпохальным слиянием, и получил возможность сделать решительный шаг. Мои коллеги сомневались в разумности присвоения никому не известной девочке статуса звезды, но я был тверд. Я видел, что ничего другого не остается.

– Вас посетило прозрение?

– Оно меня посетило.

Однако в тот вечер, с которого начинается моя история, мистера Шнелленхамера посетила только головная боль.

Вернувшись из студии после трудового дня и войдя в гостиную своего роскошного дома в Беверли-Хиллс, он утомленно опустился в кресло, всеми фибрами ощущая, что даже собаку не обрек бы на жизнь президента корпорации, питай он к этой собаке симпатию.

Бесспорно, болезненный ход мыслей, но не лишенный основания. Управление большой киностудией чревато тем, что все, с кем бы вы ни приходили в соприкосновение, начинают перед вами играть. Голливуд населен исключительно теми, кто стремится играть в кино, и они, вполне естественно, считают, что лучший способ осуществить свою мечту, это перехватить взгляд власть имущего и продемонстрировать свой талант.

С той минуты, когда мистер Шнелленхамер покинул утром свой дом, перед ним играли, играли и играли. Сначала вахтер студии, который, открыв ворота перед его автомобилем, немедленно показал этюд, свидетельствовавший, что он просто создан для гангстерских ролей. Затем последовали его личная секретарша, два представителя книжных издательств, официантка, которая принесла ему второй завтрак, страховой агент, репортер киноеженедельника и парикмахер. А когда он уезжал вечером, то перед ним опять выступил вахтер, на этот раз в бурлескной роли.

И неудивительно, что к тому времени, когда магнат добрался до дома, он ощущал резкую ломоту в области висков и жгучую потребность в чем-то тонизирующем.

Для обретения последнего он позвонил, и вошла Вера Пребл, его горничная. Он было удивился, почему вошел не дворецкий, но тут же вспомнил, что уволил его сразу после завтрака за то, что яичницу с ветчиной он подал, выразительно декламируя «Ганга-Дина», это популярнейшее произведение поэта Киплинга.

– Вы звонили, сэр?

– Принесите мне выпить.

– Слушаю, сэр.

Девушка удалилась, чтобы вскоре вернуться с графином и сифоном. При виде них мистер Шнелленхамер чуть-чуть ободрился. Он гордился своим винным погребом и знал, что в графине колышется целительный бальзам. В порыве внезапного благодушия он одобрительно посмотрел на горничную и подумал, что она, кажется, очень приятная девушка.

До этой минуты он никогда особенно не изучал внешность Веры Пребл и вообще мало о ней думал. Когда она появилась в доме несколько дней назад, он, конечно, заметил, что ей присуща эфирная красота, но, с другой стороны, в Голливуде каждая встречаемая девушка обладает либо эфирной красотой, либо лукавой мальчишеской задорностью, либо темной загадочностью, говорящей о потаенной бешеной страстности.

– Поставьте на столик, – сказал мистер Шнелленхамер, проводя языком по губам.

Девушка исполнила его указание. Потом выпрямилась, внезапно откинула голову и сжала ее ладонями в экстазе безысходных страданий.

– О! О! О! – воскликнула она.

– А? – сказал мистер Шнелленхамер.

– Ах! Ах! Ах!

– Я что-то не улавливаю, – сказал мистер Шнелленхамер.

Она смотрела на него широко открытыми, полными отчаяния глазами:

– Если бы вы знали, как бесконечно я устала от всего этого! Устала... устала. Пылание огней... блеск и сверкание... веселье... как все это пусто, как бесплодно! Я хочу бежать от всего этого, ха-ха-ха-ха!

Мистер Шнелленхамер отступил за диван. В этом смехе чудилась неуравновешенность. Ему этот смех не понравился, и он продолжал свое продвижение спиной в сторону двери, но тут девушка, которая закрыла глаза и покачивалась, словно ее терзала какая-то внутренняя боль, заметно успокоилась.

– Небольшой этюд, который я сочинила, чтобы показать себя в драматической роли. Смотрите! Я буду выражать!

Она улыбнулась:

– Радость!

Она сомкнула губы:

– Огорчение.

Она пошевелила ушами:

– Ужас.

Она подняла брови:

– Ненависть.

Затем взяла с подноса внушительный конверт.

– Здесь, – сказала она, – несколько моих фотографий, если желаете посмотреть. На этой мое лицо в покое. Я называю ее «Мечтание». А это я в купальном костюме... на лошади... иду пешком... счастлива среди моих книг... собираюсь приласкать собаку. А вот фотография, о которой мои друзья отзывались с похвалой, – Клеопатра, египетская царица-воин, на балу газетчиков Пасадены. Тут особенно хорошо видна черта моего лица, которую все считают наиболее впечатляющей: нос, вид сбоку.

Все время, пока она говорила, мистер Шнелленхамер тяжело дышал, застыв в неподвижности. На некоторое время открытие, что эта горничная, о которой он только что думал с такой благожелательностью, была попросту еще одной змеей подколотной, лишило его дара речи. Но теперь немота прошла.

– Вон! – сказал он.

– Прошу прощения? – сказала девушка.

– Вон сию же минуту. Вы уволены.

Наступило молчание. Вера Пребл сомкнула губы, пошевелила ушами и подняла брови. Было ясно, что она огорчена, поражена ужасом и охвачена разгорающейся ненавистью.

– Что, – наконец спросила она страстно, – со всеми вами такое – с киномагнатами? У вас нет сердец? Нет сострадания? Никакого сочувствия? Или понимания? Неужели заветные мечты тех, кто рвется показать себя, ничего для вас не значат?

– Нет, – ответил мистер Шнелленхамер на все пять вопросов.

Вера Пребл засмеялась горьким смехом:

– Нет! Вот именно. Пять месяцев я осаждала заведующих отдела набора актеров. Они отказывались взять меня. Тогда я подумала, что, найдя способ проникнуть в ваши дома, я сумею преуспеть в том, в чем прежде терпела неудачу за неудачей. Мне удалось наняться горничной к мистеру Фишбейну из «Идеало-Фишбейн». На середине «Пыли» Редьярда Киплинга он зверски оборвал меня и приказал убираться вон. Я устроилась на такой же пост у мистера Зиззбаума («Зиззбаум-Целлулоид»). Начальные строки «Крушения Гесперуса» миссис Хеманс

не успели сорваться с моих губ, как он уже был на третьем этаже и помогал мне уложить вещи в чемодан. А теперь и вы растоптали мои надежды. Это жестоко... жестоко... Ах-ха-ха-ха-ха-ха!

Она начала раскачиваться в приступе неизбывного горя. Потом ее словно осенила какая-то мысль.

– Но может быть, вам хотелось бы увидеть меня в водевиле? Нет?.. Ну что же.

Быстрым падением век и подергиванием щеки она выразила покорность судьбе.

– Как вам угодно, – сказала она, но внезапно ее ноздри затрепетали, и она оскалила верхний левый клык, выражая угрозу.

– Еще одно последнее слово. Вот погодите!

– Как это – погодите?

– Так и погодите. Вот и все.

Мистер Шнелленхамер на миг ощутил тревожный холодок. Как у каждого киномагната, у него имелось около сорока семи неблагоприятных секретов, причем частично запечатленных на бумаге. Неужели...

Тут он перевел дух. Все его личные документы хранились в арендованном сейфе. Глупо даже подумать, что у этой девчонки есть на него что-то.

Успокоившись, он возлег на диван и предался грезам. И вскоре припомнил, что не далее как утром заключил сделку, которая позволит ему выпотрошить двести семьдесят трех владельцев кинотеатров. Его губы сложились в довольную усмешку, и Вера Пребл была забыта.

Жизнь в Голливуде имеет то преимущество, что там не существует проблемы слуг. Предложение заметно превышает спрос. Стоит вам вышвырнуть дворецкого с черного хода, как его преемник уже подкатывает к парадной двери в спортивной машине. То же относится и к горничным. К середине следующего дня домашняя машина Шнелленхамеров опять была на полном ходу. Новый дворецкий чистил серебро, новая горничная делала то, что делают горничные, то есть почти ничего. В доме царили покой и мир.

Однако на следующий вечер, когда мистер Шнелленхамер, завершив дневные труды, вошел в гостиную и в голове у него теснились лишь самые светлые мысли об обеде, его встретил настоящий смерч в человеческом облике. Это была миссис Шнелленхамер. Пора ее расцвета пришлась на эпоху немого кино, когда она заслужила славу как Королева Бурных Чувств, и время от времени она принимала меры, чтобы ее муж об этом не забывал.

– Нет, ты посмотри! – вскричала миссис Шнелленхамер.

Мистер Шнелленхамер встревожился:

– Что-то случилось?

– Почему ты уволил девушку? Веру Пребл?

– Она меня обха-ха-ха-ха-тывала.

– Так знаешь, что она сделала? Она сообщила в полицию, что мы в прямое нарушение закона прячем в своем доме алкогольные напитки. И сегодня днем они приехали в фургоне и все забрали.

Мистер Шнелленхамер пошатнулся. Удар был тяжелейший. Хороший человек любит свой погреб.

– Не все же? – вскричал он почти умоляюще.

– Все.

– Шотландское виски?

– До последней бутылки.

– Джин?

– До последней капли.

Мистер Шнелленхамер ухватился за спинку дивана.

– Но не шампанское же? – прошептал он.

– До последнего ящика. А вечером мы ждем полтора гостя, включая герцога.

Она имела в виду герцога Уигенского, который, подобно многим другим британским герцогам, в те дни медленно проезжал Голливуд.

– А ты знаешь, как взыскательны герцоги, – продолжала миссис Шнелленхамер. – Мне рассказывали, что Лулубелла Мейфис в прошлом году пригласила герцога Кэркадбрайтширского на уик-энд, а всего через два месяца он внезапно отбыл, оскорбленный тем, что херес оказался не того урожая.

Киномагнат по определению мыслит быстро. Человек калибром помельче потратил бы время впустую, отзываясь о недавней мисс Пребл, как о змее, которую он практически вскормил у себя на груди, но мистер Шнелленхамер обратил всю силу своего великого мозга на решение жизненно важной проблемы, как обезвредить сотворенное ею зло.

– Слушай, – сказал он, – все будет в полном порядке. Позвоню бутлегеру, и он в один момент восполнит наши запасы.

Однако он упустил из виду тот компонент голливудского воздуха, который порождает во всех тамошних обитателях непреодолимое стремление сниматься в кино. Когда мистер Шнелленхамер раздобыл телефонный номер бутлегера, то не застал этого разрываемого на части негоцианта у домашнего очага. В студии «Выдающихся Любимцев Экрана» снимался эпизод «Разлученных сердец», и бутлегер трудился там в поте лица, исполняя роль англиканского епископа. Секретарша объяснила, что его нельзя беспокоить: он чрезвычайно расстраивается, когда его отрывают от творчества.

Мистер Шнелленхамер позвонил второму бутлегеру, потом третьему, но и они были на съемках.

Мистер Шнелленхамер был уже близок к отчаянию, когда ему припомнился его старинный друг Изадор Фишбейн, и стущавшийся мрак прорезал луч надежды. По счастливейшему велению Судьбы в этот момент он и президент «Идеало-Фишбейн» находились в безоблачных отношениях – уже несколько недель ни первому, ни второму никак не удавалось подложить другому свинью. К тому же винный погреб мистера Фишбейна не ударил бы лицом в грязь даже перед самым богатым погребом Калифорнии. Побывать у него и одолжить все необходимые напитки труда не составит.

Погладив миссис Шнелленхамер по руке и заверив ее, что синие птицы все еще распевают в сиянии солнца, он поспешил к своему автомобилю и прыгнул в него.

Расстояние до резиденции Изадора Фишбейна составляло лишь несколько сотен ярдов, и мистер Шнелленхамер через несколько минут уже влетел в дом своего друга, чтобы увидеть, как тот бьется головой об стену гостиной, тихо постанывая себе под нос.

– Что-то случилось? – в изумлении осведомился мистер Шнелленхамер.

– Случилось, – ответил мистер Фишбейн, выбрал свежее местечко на бесценном гобелене и принялся биться головой об него. – Сегодня днем явилась полиция и забрала все, что я имел.

– Все?

– Ну, не миссис Фишбейн, – ответил его друг с легким сожалением в голосе. – Она наверху у себя в спальне с восемью кубиками льда в льняном мешочке на лбу. Но все остальное они забрали до последней капли. Змея, вот что она такое.

– Миссис Фишбейн?

– Не миссис Фишбейн. А чертова горничная. Чертова Вера Пребл. Только потому, что я оборвал ее, когда она забубнила: «пыль, пыль, пыль от шагающих сапог», она бежит в полицию и стучит на меня. А миссис Фишбейн ждет вечером сто восемьдесят гостей, включая бывшего короля Руритании.

И, пройдя в другой угол, он начал биться головой о статую «Гения, вдохновляющего кинопромышленность».

Хороший человек всегда ужасается, когда вынужден созерцать низость, до какой способна пасть человеческая натура, и, услышав об этой новой гнусной подлости своей недавней горничной, мистер Шнелленхамер ощутил, что по его организму прокатилась ледяная волна отвращения. Но затем вновь заработал могучий мозг, создавший «Колосс-Изыск».

– У нас есть только один выход, – сказал мистер Шнелленхамер. – Отправиться к Бену Зиззбауму и позаимствовать часть его запасов. Как у тебя с Беном?

– У меня с Беном все в ажуре, – ответил мистер Фишбейн, повеселев. – На той неделе я узнал про него такое, что, бьюсь об заклад, он предпочтет не предавать огласке.

– Где он живет?

– Кэмден-Драйв.

– Ну так ату его, ату! – сказал мистер Шнелленхамер, который в свое время профинансировал драму в восьми частях о соперничестве двух сильных мужчин из-за любви женщины вперемешку с эпизодами лисьей травли в английской сельской местности.

Вскоре они уже входили в гостиную мистера Зиззбаума и тут же испытали сильное потрясение, увидев, что по полу кругами катается тело, зажав голову в ладонях. Каталось оно быстро, но не настолько, чтобы они не сумели узнать в нем главу корпорации «Зиззбаум-Целлулоид». Остановленный по завершении одиннадцатого круга, мистер Зиззбаум поведал, что одна его недавняя горничная, некая Вера Пребл, обидевшись в связи с увольнением за преднамеренную и настырную декламацию хрестоматийного стихотворения «Крушение Гесперуса», донесла полиции об имеющемся у него запасе вин и крепких алкогольных напитков, каковая полиция полчаса назад отбыла со всем содержимым его погреба.

– И говорите потише, – предупредил страдалец, – чтобы не потревожить миссис Зиззбаум. Она в постели со льдом на голове.

– Сколько кубиков? – поинтересовался мистер Фишбейн.

– Шесть.

– Миссис Фишбейн потребовалось восемь, – не без гордости сообщил супруг этой дамы.

Подобное положение вещей могло обескуражить и самого мужественного киномагната, а среди киномагнатов мало кто превосходил мужеством Джейкоба Шнелленхамера. Однако он был устроен так, что чем теснее оказывался угол, в который его загоняли, тем с большей силой начинал работать его интеллект. Он подумал, что дома его ждет миссис Шнелленхамер, и его словно ударило током очень высокого напряжения.

– Нашел! – объявил он. – Надо ехать к Глютцу. Он с его «Медуллой-Облонгатой» никогда моим истинным другом не был, но, если ты одолжишь ему Глорию Грация, а я одолжу ему Орlando Бинго, а Фишбейн одолжит ему Оскара Чудо Пуделя на его условиях, думаю, он согласится одолжить нам достаточно, чтобы перебиться сегодня вечером. Я сейчас же ему позвоню.

Миновало несколько минут, прежде чем мистер Шнелленхамер вернулся от телефона. Но когда он вернулся, его коллеги с удивлением обнаружили в его глазах счастливый блеск.

– Ребятки, – сказал он, – Глютц со всей семьей уехал до понедельника. Дворецкий и остальная прислуга отправились повеселиться. Во всем доме сейчас только одна горничная. Я побеседовал с ней. Так что нам не придется делиться с ним нашими звездами. Просто поедем туда в автомобиле с парочкой-другой топоров и обслужим себя сами. Чтобы ублажить девушку, хватит долларов ста. Скажет ему, что была наверху, когда явились грабители, и ничего не слышала. И мы заберем все, что нам требуется, не заплатив ни цента, кроме того, что дадим горничной на лапу.

Воцарилась благоговейная тишина.

– Миссис Фишбейн будет довольна.

– Миссис Зиззбаум будет довольна.

– И миссис Шнелленхамер будет довольна, – сказал глава экспедиции. – Где ты хранишь топоры, Зиззбаум?

– В подвале.

– Давай их сюда! – сказал мистер Шнелленхамер голосом, каким крестоносец мог призывать к атаке на неверных.

Тем временем в пышной резиденции Сигизмунда Глютца Вера Пребл, этим утром пополнившая штат прислуги главы «Медуллы-Облонгаты» и уже получившая предуведомление об увольнении за то, что с надлежащими жестами поставила его в известность о буйном веселии в салуне Мелмута, была занята составлением на листке бумаги короткого списка имен, чтобы выбрать то, которое станет ее *nom de théâtre*¹, когда начнется ее кинокарьера.

Ибо в первую очередь она была оптимисткой, и постоянные неудачи не угасили в ней огонь честолюбия.

Высунув кончик языка, она старательно выводила:

Урсулина Делмейн

Теодора Трикс

Увула Гладвин

Но ни одно из них ее не удовлетворило. Может быть, что-нибудь чуть поиностраннее и поэкзотичнее...

Грета Гарбо

Нет, уже использовано.

Но тут на нее внезапно снизошло озарение, и, трепеща в экстазе, она написала единственное имя, которое было абсолютно и бесповоротно тем, что требовалось:

Минна Нордстром

Чем дольше она на него смотрела, тем больше оно ей нравилось. Она все еще гордо на него взирала, когда у дверей остановился автомобиль, и минуту спустя в дом вошли мистер Шнелленхамер, мистер Зиззбаум и мистер Фишбейн. На всех были черные фетровые шляпы и по топору в руке.

Вера Пребл выпрямилась во весь рост.

– Поставки принимаются с черного хода, – начала она надменно, но затем узнала своих бывлых нанимателей и в изумлении умолкла.

Узнавание было взаимным. Мистер Фишбейн вздрогнул. Как и мистер Зиззбаум.

– Змея! – сказал мистер Фишбейн.

– Подколодная! – добавил мистер Зиззбаум.

Мистер Шнелленхамер был более дипломатичен. Вид этой предательницы потряс его не менее, чем его коллег, но он понимал, что для диатриб момент не подходил.

– Ну-ну-ну! – сказал он с благодушием, которому пытался придать искренность и обаяние. – Я и не догадался, что говорил по телефону с вами, моя дорогая. Ну что же, тем лучше, тем лучше: ведь мы все тут, по сути, старые друзья.

– Друзья? – отпарировала Вера Пребл. – Позвольте вам сказать...

¹ Псевдоним (*фр.*).

– Знаю, знаю. Именно. Именно. Но слушайте, мне сегодня вечером необходимы напитки...

– То есть как – тебе необходимы? – сказал мистер Фишбейн.

– Все в порядке, – успокоил его мистер Шнелленхамер. – Я просто не договорил. И про вас отнюдь не забыл. Мы тут – одно целое. Добрый старый дух сотрудничества. Видите ли, моя дорогая, – милая шуточка, которую вы с нами сыграли... да нет-нет, я ни в чем вас не упрекаю. Никто не хохотал громче меня...

– Нет, хохотал, – вмешался мистер Фишбейн, до которого дошло, что девушку, стоящую перед ними, необходимо убаюкать. – Я хохотал громче.

– Мы все хохотали, громче нельзя, – сказал мистер Шнелленхамер. – Жаль, вы не слышали. Находчивая девочка, сказали мы себе. Тем не менее эта веселая шалость поставила нас в несколько затруднительное положение, и вы получите сто долларов, если подниметесь наверх и заткнете уши ватой, пока мы примемся обрабатывать топорами дверь в погреб мистера Глутца.

Вера Пребл подняла брови:

– А зачем вам надо взламывать дверь? Я знаю комбинацию замка.

– Знаете? – сказал мистер Шнелленхамер ликуя.

– Беру назад «змею», – сказал мистер Фишбейн.

– Когда я употребил прилагательное «подколотая», – сказал мистер Зиззбаум, – я говорил, не подумав.

– И я вам ее назову, – сказала Вера Пребл, – но не даром.

Она откинула голову, протянула вперед руку и зашевелила пальцами. Она явно что-то выражала, но они не сумели определить, что именно.

– Я открою вам комбинацию к двери погреба мистера Глутца при одном условии. И вот оно: один из вас должен заключить со мной контракт звезды на пять лет.

Магнаты выпучили глаза.

– Слушайте, – сказал мистер Зиззбаум, – не хотите же вы быть звездой!

– Вам это не понравится, – сказал мистер Фишбейн.

– И еще как не понравится, – сказал мистер Шнелленхамер. – В звездах вы же будете глупо выглядеть – неопытная девочка вроде вас. Вот если бы вы пожелали небольшую выигрышную роль...

– Звезда.

– Скажем, поддерживающая роль.

– Звезда.

Троица отступила шага на два и посоветовалась.

– Она серьезно, – сказал мистер Фишбейн.

– Глаза у нее, – сказал мистер Зиззбаум, – гранитные.

– Десятки раз мне выпадал случай уронить на ее голову с верхней лестничной площадки что-нибудь тяжелое, и я не воспользовался ни единым, – с виноватым раскаянием сказал мистер Шнелленхамер.

Мистер Фишбейн воздел руки к небу:

– Бесполезно. Передо мной все время плавают образ миссис Фишбейн с восемью кубиками льда на лбу. Так уж и быть! Я сделаю эту девчонку звездой.

– Ты?! – сказал мистер Зиззбаум. – И все заберешь себе? А мне предоставишь вернуться домой и сказать миссис Зиззбаум, что на ее званом вечере сегодня сто одиннадцать гостей, включая вице-президента Швейцарии, останутся без напитков? Нет уж, сэр! Звездой ее сделаю я.

– Я тебя переторгую.

– Не переторгуешь. Разве что мне сообщат, что миссис Зиззбаум лишилась голосовых связок.

– Слушай, – сквозь зубы сказал его собеседник. – В употреблении голосовых связок миссис Фишбейн еще только разогревается, когда миссис Зиззбаум уже захрипит.

Мистер Шнелленхамер, этот холодный ум, увидел, какая угроза над ними нависла.

– Ребята, – сказал он, – если мы начнем торговаться, предела не будет. Есть только один выход: слияние.

Победа осталась за его могучей личностью. И несколько минут спустя к девушке повернулся президент новообразованной корпорации «Идеало-Зиззбаум»:

– Мы согласны.

Не успел он договорить, как до них донесся звук остановившейся перед подъездом какой-то тяжелой машины. Вера Пребл испустила крик отчаяния.

– Дура я, дура! – воскликнула она в смятении. – Я только сейчас вспомнила, что час назад позвонила в полицию и информировала их о погребе мистера Глютца. Это они!

Мистер Фишбейн охнул и посмотрел вокруг, выбирая обо что начать биться головой. Мистер Зиззбаум с кратким пронзительным воплем начал опускаться на пол. Но мистер Шнелленхамер был скроен из более крепкого материала.

– Возьмите себя в руки, ребята, – умоляюще сказал он. – Предоставьте дело мне. И все будет в ажуре. До чего мы дойдем, – добавил он с достоинством, столь же внушительным, как и простым, – если свободнорожденный американский гражданин не сможет подкупить полицию своей родины?

– Верно, – сказал мистер Фишбейн, задержав лоб в дюйме с четвертью от великолепной китайской вазы.

– Верно, верно, – сказал мистер Зиззбаум, поднимаясь с колен и отряхивая брюки.

– Только предоставьте все мне, – сказал мистер Шнелленхамер. – Привет, ребята! – продолжал он благодушно.

В гостиную вошли три полицейских – сержант, патрульный и еще один патрульный. Лица у них были суровые, будто вырубленные из дерева.

– Мистер Глютц? – спросил сержант.

– Мистер Шнелленхамер, – поправил магнат. – Но Джейкоб для вас.

Эта дружелюбная нота как будто не смягчила сержанта.

– Пребл Вера? – спросил он, обращаясь к девушке.

– Нордстром Минна, – ответила она.

– Значит, неправильно записали имя. Так или иначе, это вы позвонили нам, что в доме хранятся алкогольные напитки?

Мистер Шнелленхамер весело засмеялся:

– Не стоит верить всему, что говорит эта девушка, сержант. Она превеликая шутница. И всегда была такой. Если она сказала так, значит, просто вас разыграла, как у нее в привычке. Я знаю Глютца. Я знаю его принципы. И сотни раз слышал, как он говорил, что законы его страны для него превыше всего и он никогда не унижится до того, чтобы нарушать их. Вы здесь ничего не найдете, сержант.

– И все-таки попробуем, – ответил тот. – Покажите нам погреб, – добавил он, обращаясь к Вере Пребл.

Мистер Шнелленхамер улыбнулся обворожительной улыбкой.

– Слушайте, – сказал он. – Я как раз вспомнил, что допустил ошибку. Глупейшую. Просто не знаю, как я мог ее допустить. В доме действительно есть небольшая толика этого самого, но я уверен, вы, милые ребятки, не хотите никому устраивать неприятности. При вашей-то широте взглядов! Слушайте, ваша фамилия Мэрфи?

– Донахью.

– Я так и думал. Нет, вы будете смеяться. Я только сегодня утром сказал миссис Шнелленхамер, что мне обязательно надо выбрать время заглянуть в участок и отдать моему старому другу Донахью десять долларов, которые я ему задолжал.

– Какие десять долларов?

– Я не сказал «десять». Я сказал – сто. Сто долларов, Донни, старина, и, конечно, кое-что найдется и для этих двух джентльменов. Ну как?

Сержант выпрямился во весь рост. Его взгляд не смягчился ни на йоту.

– Джейкоб Шнелленхамер, – сказал он холодно, – вам от меня не откупиться. Когда прошлой весной я хотел получить роль в «Колосс-Изыск», меня не взяли, потому что вы сказали, будто я не сексапиль.

Первый патрульный, до этих пор участия в разговоре не принимавший, удивленно вздернул голову:

– Да неужели, шеф?

– Именно. Не сексапиль.

– Это подумать! – сказал первый патрульный. – Когда я пробивался в «Колосс-Изыск», мне сказали, что у меня голос нехорош.

– А меня, – сказал второй патрульный, мрачно глядя на мистера Шнелленхамера, – у них хватило наглости забраковать за мой левый профиль. Поглядите, ребята, – сказал он, поворачивая голову, – есть у меня в профиле какой-нибудь изъян?

Его товарищи пристально изучили спорный профиль. Сержант поднял руку, откинул голову и прищурился сквозь растопыренные пальцы.

– Никаких изъянов, – сказал он.

– Расчудесный профиль, Бэзил, – сказал первый патрульный.

– То-то и оно! – сказал второй патрульный сурово.

Сержант вернулся к собственной обиде.

– Не сексапиль! – сказал он со скрежещающим смехом. – И это мне, который в колледже Восточной Айовы прошел курс актеров кино со специализацией в области сексапильности.

– Кто говорит, что мой голос нехорош? – спросил первый патрульный. – Вот послушайте: ми-ми-ми-ми.

– Лучше некуда, – сказал сержант.

– Будто соловей или еще кто там, – сказал второй патрульный.

Сержант поиграл мускулами:

– Готовы, ребята?

– Ага, шеф.

– Погодите! – вскричал мистер Шнелленхамер. – Погодите! Дайте мне еще один шанс! Конечно же я найду роли для вас всех.

Сержант покачал головой:

– Нет. Слишком поздно. Ты довел нас до белого каления. Ты не способен постигнуть чувствительность художника. Способен он, ребята?

– Да ни в коем случае! – сказал первый патрульный.

– Я теперь не стану сниматься в «Колосс-Изыск», – сказал второй патрульный, обиженно передернув плечами, – даже если они будут умолять, чтобы я сыграл Ромео в паре с Джин Харлоу.

– Ну так пошли, – сказал сержант. – И вы с нами, дамочка. Покажете нам, где погреб.

Минуто-другую после того как блюстители закона удалились следом за Верой Пребл, тишину гостиной нарушали только ритмичный стук лба мистера Фишбейна об стену да шорох катания мистера Зиззбаума по полу. Мистер Шнелленхамер угрюмо поник в кресле, подпирая подбородок обеими руками и только чуть отодвигая ногу всякий раз, когда мимо прокатывался мистер Зиззбаум. Провал его дипломатических усилий вызвал у него душевный паралич.

Перед его глазами возникло видение: миссис Шнелленхамер ждет в их залитом солнцем патио его возвращения. Он словно увидел, как она падает в обморок, скатывается в бассейн с золотыми рыбками и начинает пускать пузыри, потому что ее голова оказалась под поверхностью воды. И он уже спрашивал себя, как следует поступать в подобном случае: осторожно извлечь ее оттуда или предоставить Природе делать свое дело? Одно он знал твердо: она будет в полной мере изливать те бурные эмоции, королевой которых когда-то была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.